В изображении „Казанской истории“ Грозный всегда уважительно и заботливо относится к народу — участнику важнейших событий в жизни государства. Отправляясь в поход, Грозный „всему бещетному множеству великому народу московскому на четыре страны до земли поклонися“; объезжая войска перед последним приступом на Казань, царь „кланяяся им до златыя стремени ноги своея“, называя всех „русская чада“. Народ же радостно, „яко пчелы матку свою“, встречает царя, возвращающегося с победой в Москву. В перечне вышедших навстречу царю „в поле за посад“ названо „все множество безчисленное народа московского“. Царь же „посреди народа тихо путем прохождаше на царстем коне своем, со многим величанием и славою великою, на обе страны поклонився народом, да вси людие насладятся, видяще и велелепотныя славы его сияюща на нем“.

В этом идеализированном изображении отношения самодержавного царя к народу совершенно скрытой оказалось историческая правда — то, что укрепление централизованного дворянского государства и обеспечение его безопасности от внешних врагов происходили за счет усиления эксплоатации трудового народа. Идеолог дворянства, автор „Казанской истории“ в отношении в народным массам занимал позицию, типичную для возвышающегося эксплоататорского класса. „...всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач вынужден изобразить свой интерес как общий интерес всех членов общества...“.[1]

Патриотизм Грозного в изображении автора „Казанской истории“ носит на себе отпечаток исторической ограниченности. Занимая определенную позицию во внутриклассовой борьбе Ивана IV с боярством и отстаивая свои классовые интересы, автор „Казанской истории“ представил их как общенародные интересы. Социальную природу идеологии возвышающегося правящего класса гениально раскрыл К. Маркс в работе „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“. „То, что они (буржуазные идеологи, — *Г. М.*) отстаивают, объявляется *народным правом*, то, что интересует их, объявляется *интересом народа*“.[2] Субъективно стремясь к защите своих интересов, объективно служилый правящий класс содействовал созданию сильного централизованного государства и разгрому феодальной аристократии, тянувшей Русское государство к феодальной раздробленности.

Кто же был этот страстно убежденный сторонник политических мероприятий Грозного? Этот вопрос не раз поднимался историками и литературоведами, начиная с XVIII века и кончая последней работой акад. А. С. Орлова — „Героические темы древней русской литературы“, вышедшей в 1945 году.

От В. Н. Татищева идет мнение, что автором „Казанской истории“ является священник Иоанн Глазатый, который был в казанском плену и, освобожденный во время „взятия“, был прощен Грозным. Имя Глазатого как автора рассказа „о доставании и взятии града Казани“ В. Н. Татищев называет, говоря об источниках своей „Истории российской“.[3] И хотя В. Н. Татищев не сообщает, на основании каких данных авторство „Казанской истории“ приписано им Глазатому, тем не менее, вслед за „Историей российской“, „попа Иоанна Глазатого“

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 38.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, М., 1948, стр. 241.
[3] В. Н. Татищев. История российская, кн. I, ч. 1. М., 1768, стр. XII.